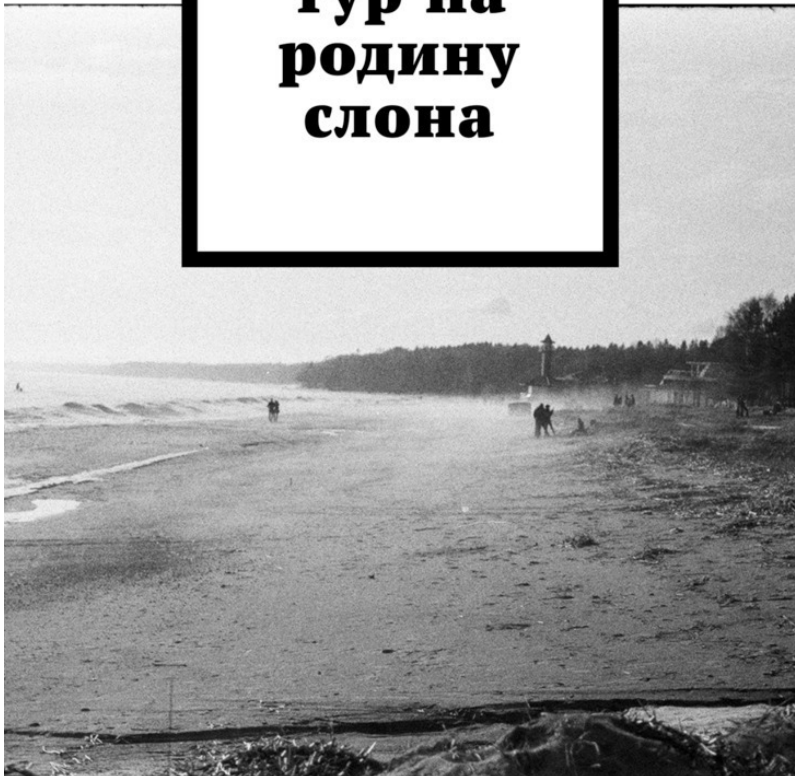

Максим Болдин

**тур на
родину
слона**

Максим Болдин
Тур на родину слона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33168480

ISBN 9785449081704

Аннотация

В книге собраны стихотворения Максима Болдина разных лет. В оформлении обложки использована фотография Ярослава Риши Соколова.

Содержание

«Цветы, упавшие на снег...»	5
«Обмороженные груши...»	6
«В чашку цедится заварка...»	7
«Малые люди на круглой планете...»	8
«Расскажу по секрету о главном...»	10
«Господи, спаси от войны...»	11
«Шумят березы под окном...»	13
«Ф. Терентьеву...»	14
«Когда бы не был я собой...»	16
«Задолго до азбуки Морзе писал...»	17
«Пахнет палевным пшеном...»	19
«К. К...»	21
«Реют триколоры...»	23
«Почернеет моя голова от ума...»	26
«Примитивно, но со вкусом...»	28
«Такси, такси, вези, вези...»	29
«Жить привыкнешь – уж смерть подступает...»	31
Река-I	32
«Услышь меня, неуч-потомок...»	33
«Глухой картавый переплет...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Тур на родину слона

Максим Болдин

Фотограф Риша Соколов

© Максим Болдин, 2018

© Риша Соколов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-8170-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Цветы, упавшие на снег...»

Цветы, упавшие на снег,
как брызги света,
как то, чего в помине нет,
как боли нету,
как нет тебя и нет меня,
но есть изнанка,
не мысли и не бытия,
а постоянной Планка.
Ах, постоянство – то да сё,
сплошное эхо,
но русский лес стоит еще
в краю лемеха,
еще грамматика жива
в гортани духа,
хоть неподъемна и стара
природа слуха.

Январь, 2018

«Обмороженные груши...»

Обмороженные груши
во саду ли слободы,
где соседи греют уши,
и злорадствуют клопы.
Переехать ли под старость
в Сызрань или Воркуту,
чтобы этот весь архаус
полюбился Худруку.
Собирая по сусекам
на буханку колбасы,
быть сторонником Генсека
теплотрассы из Москвы.
На волнах вайфая слушать,
глядя в темное окно:
обмороженные груши,
а другого не дано.

2017

«В чашку цедится заварка...»

В чашку цедится заварка,
кап-кап-кап да кап-кап-кап.
Хоть поэт и не кухарка,
но по-своему арап.
Книжный червь с плохой осанкой,
на полставки музыкант,
пропивающий с гражданкой
музой мизерный талант.
А нет денег – цифиречек
цедит, чтобы не уснуть,
начирикать пару строчек,
привирая что-нибудь.

2018

«Малые люди на круглой планете...»

Малые люди на круглой планете
мы созрели затем,
чтобы до старости плакали дети
в черствых сердцах ЭВМ,
в нас загрузивших без повода, просто,
правда печальна, ясна,
словно свободная ты в девяностых,
рухнувшая страна.
Прелым листом под подошвой ботинка,
чем-то прошедшим уже,
смотрит природа прохладой суглинка —
дым сигаретный в душе.
Но хороша и спокойна окраина,
где побывать не пришлось.
Непонимание лучшее знание,
мудрость, всеобщая злость.
Люди, как птицы, стоят у дороги,
шины шуршат, и грядут
новые пустопорожние боги.
Жалко, что нас не спасут,
не заберут, как автобус бесплатный
этих как птицы людей
в многоквартирные чьи-то пенаты

чьих-то приличных семей,
чтобы в чужих фоторамках сияли
грустные наши глаза,
чтобы гордились собой россияне
и не теряли лица.

2018

«Расскажу по секрету о главном...»

Расскажу по секрету о главном:
ничего не бывает потом.
Смысл жизни в падении плавном
с отвалившимся нафиг крылом.
Вот вам символ природной гидравлики —
орошение, замкнутый круг.
Загогочут по небу журавлики.
Тащит бабку на улицу внук.
Возвращаются птицы с гостинцами.
И чем ближе весна, тем честней
горожане становятся лицами
с монобровью вместо бровей.
С диким саженцем, звонким ведерочком,
в приусадебном весь мандраже
я в зеленой рубахе, как ёлочка,
отправляюсь с вокзала уже.
Все мне радостно, все улыбается.
Скоро встанет над грядками Рак,
потому что стоять нам так нравится.
А иначе не можем никак.

2018

«Господи, спаси от войны...»

Господи, спаси от войны,
господи, спаси от дурдома,
от глухоты, немоты, слепоты,
от полицейского шмона.
Господи, умерший, втоптаный бог,
очень смешной и наивный,
боже, от этих российских дорог,
перевернувших равнину,
ровное поле, казармы, кресты,
сгнившее брюхо бараков,
шорох дремучей твоей бересты,
косноязычие зеков,
универмаг и сырую насквозь,
вспухшую тушу деревни,
где тыщу лет обнимаются вскользь,
воют разбитые петли,
где недород, перегиб, пересчет,
и депутатское племя,
господи боже мой, все-таки врет,
врет, погляди, не краснея.
От безработицы, пьянства, взаимы
чьей-то несобственной жизни,
от незаконной твоей красоты,
от Колымы как Отчизны.

Эти слова мне прости, не бери
в счет, когда время настанет,
лишь бы горели в ночи фонари
в дружественном Казахстане.

2018

«Шумят березы под окном...»

Шумят березы под окном
традиционно шумно.
Сходить в ларек, купить попкорн,
жить по уму, разумно.
Употребляешь корнишон
иль кукурузу с сыром,
а все равно ума лишен,
и неприятен рылом.
В жилкомплексе «Рай для души»
жуй, не тужи напрасно,
дары культуры хороши,
и даже безопасны,
если не рыпаться, не бздеть,
не просыпаться ночью
живым, как сказано, на треть,
на половину точно,
и не смотреть в ночное дно
двора с пустой качелью,
как будто ждет тебя там кто
под ледяной капелью.

2018

«Ф. Терентьеву...»

Ф. Терентьеву

Я мну руками талый снег,
как недоумок.
Мой век не зверь – картинка-век,
плохой рисунок.

Дрожит рука, и почерк врет,
и доктор Хаос
напалм берет, его черед,
ты доигралась,

Эвтерпа, девочка-муляж,
дитя разлуки.
Терентьев крошит карандаш
и умывает руки.

Он сядет в душное метро,
помянет всеу,
как гений в траурном пальто,
его рифмуя

сквозь зубы, сквозь сплошной амбре
в душе и теле,

с душой и тенью на петле,
на самом деле.

И дольше века длится бред,
и гениален
этот бухой анахорет,
не Вуди Аллен.

2017

«Когда бы не был я собой...»

Когда бы не был я собой,
не загремел по полной,
дурной, бесстыжий, молодой,
в спектакль немногословный
с битьем зеркал, сердец и лиц
в кустах июльской ночи,
из-за каких-то там девиц,
двух пигалиц, короче.
Но, слава богу, пронесло,
теперь гуляю в парке,
и практикую ремесло
досадное Петрарки.
Всем надобен уют, фураж,
подход с хорошим жимом,
но здесь отклоняется ваш
борец с физкульт режимом.

2017

«Задолго до азбуки Морзе писал...»

Задолго до азбуки Морзе писал,
страдая подагрой, нефтяник:
высочество ваше, отец-генерал,
используйте кнут или пряник.

Задействуйте милость и жалость свою,
и стадо заблеет прилежно,
зайдется народным «ай лав ю», «ай лю,
ай лю ли», душевно и нежно.

Диктатор, не будь отдален от людей,
ходи на работу как надо,
используя транспорт державы своей,
идуший вдоль Летнего Сада,

вдоль Спаса, где ждет тебя юный бомбист,
курсист, шариата подвижник,
а рядом в казенном жакете гэбист,
в недавнем пловец или лыжник.

Едва мы успеем открыть свои рты,
но каменной крошкой забило.
Трясутся поджилки, как нить тетивы.

Спасибо, скажи, не прибило.

Герои-строители, типа того,
что плотники-назаретяне,
уроды распяли, предали его,
а звались когда-то друзьями.

...Закончим пилить и отложим брусок,
и дачный остынет поселок,
и где-то вдали угасает гудок
и смех отдыхающих тёлочек.

Шашлык и вино и на грядках щавель,
не щавель, а звук любистока,
и в небе заката легка акварель,
как глупая мудрость востока.

И радио скажет: был ранен тиран,
но жив, слава Богу, Аллаху.
И войско введут в ряд положенных стран.
Нагонят там шороху-страху.

2017

«Пахнет палевным пшеном...»

Пахнет палевным пшеном,
самопалом,
чечевицей и вином-
краснодаром.
Генеральскою кирзой
и гвардейской,
крокодиловой слезой
казначейской.
Скоро, скоро заберут
нас, забреют
в мандельштамовский маршрут
по сабвею,
по горячим, словно лёд,
переправам.
На дорожку нам споет
Розенбаум.
От Останкино пряма
путь-дорога,
тур на родину слона,
бандерлога.
Тур на родину блохи
магаданской,
где кантуются лохи
по-пацански.

Ставит музычку старшой
на айфоне,
пахнет кислой анашой
на перроне.
Я люблю тебя, прогресс,
между прочим,
ведь экраны, вот те крест,
мироточат.

2018

«К. К...»

К. К.

В Комарово теперь благодать.
На Васильевском шумно и людно.
Скоро осень, и пена опять
слижет кромку с прибрежного блюда,
и намокший, озябший песок,
прилипает к подошве, ботинок
проглотив, словно громкий плевков
бескультурщина, отрок глубинок.
Много их, голубых городов,
вросших в землю по самое темя.
В Комарово уж нет комаров,
и закончилось время.
Чайки роют обвисшую грудь
ледяного Балтийского моря.
В Комарово езжай отдохнуть
от похмелья и горя,
от счастливой и пьяной любви,
оказавшейся просто застольем,
на котором свои – не свои.
Это море, у моря спроси,
каково это быть целым морем.

«Реют триколоры...»

Реют триколоры.
Триедина суть.
Практикуют воры
византийский путь.
Данные Госплана:
атом расщепим!
В кабаре «Осанна»
пляшет Третий Рим.
Паханы в столице,
урки на краю
стерегут милицию
в ледяном раю.
Впрочем, электрички,
паровозы, снег,
машинист по кличке
Первочеловек
песню запеваёт,
как ямщик-отец,
радость подступает
к горлу, наконец.
Клеветник, мормона,
пламенный гип-гип!
Телевизионным,
аки хлопец сыт

квасом да с окрошкой,
глянцевым амбре
утомлен немножко
гражданин тире
виноградарь истин,
мученик-палач,
в деле бескорыстен,
а в душе трюкач,
упоенный слогом,
перевертнем слов —
нагло бог оболган,
идет рыболов!
Место занимайте,
господа, в жюри,
русский гастарбайтер,
репер из Перми,
плечи расправляет,
подымает, днесь
(смехи утихают,
утекает спесь)
оглашает слово,
вещее словцо:
Поколение молла!
Мол, заподлицо
с нашим человеком
богочеловек,
обожженный веком
зверя, уберег
вифлеемской манны.

Экспортируй дух,
а не газ в капстраны
падаванам мух.

2018

«Почернеет моя голова от ума...»

Почернеет моя голова от ума,
как сухая трава после взрыва,
после песен плохих о любви до утра
и любовного, в общем, порыва.

Это судно качает, штормит, капитан.
Капитан, улыбнитесь варягу.
Пляшут бляди с филфака отвязный канкан.
Я сегодня с одной из них лягу.

Ну, валяй укреплять в генофонде строку
и силлабику русского плача,
а потом отвернись и, уснув на боку,
ощути, как волнуется чача.

Будет долгая бить мимо цели волна.
Станет фраза точна и сердита.
Устоит, поглупев от похмелья, страна,
стой и ты у ворот общепита

и стреляй на поправку стране, голове,
генофонду, сгорая на солнце.
Пусть орут соловьи, как на смертном одре,
лишь бы чача осталось на донце.

2017

«Примитивно, но со вкусом...»

Примитивно, но со вкусом,
надрывается экран,
можно быть вполне тунгусом
и не видеть этот срам,
можно просто быть оленем
или прелым камышом,
не имея представленья,
что сознания лишен,
что не хуже ты экрана,
даже лучше и мудрей,
аватарка ты атмана,
всенародный муравей.

2018

«Такси, такси, вези, вези...»

Такси, такси, вези, вези,
неси меня за кольцевую,
по колее, по небеси,
по облакам и по грязи,
пока я мысленно рифмую
Россию с небом или без,
по бездорожию петляя,
вези меня в смоленский лес,
во омут пекла первая,
там на обочине страны,
вернее, в центре или с краю,
стоят безмолвные дубы,
как пушкинисты полагают.
Присяду возле, надломив
краюшку хлеба ради жеста,
забавы ради повторив
свое излюбленное место:
«На две понюшки порошка,
на две затяжки опиата
— по-гимнастически дрожа —
хватало бледного солдата
в период нэпа за окном,
когда стояли на Ордынке
чекисты с взорванным крестом,

еще крестятся по старинке».
Пройдут года, исчезнет нэп,
но не отступит удивленье,
что пушкинистам нужен хлеб,
а не твое стихотворенье,
и что дрожат уж тыщу лет,
как листья, будто гимназисты,
полки, идущие на смерть,
и в кабинетах кэгэбисты,
когда штормит не с похмела,
а от удушья качает,
и отлетают стремена,
и лес смоленский наступает.

2018

«Жить привыкнешь – уж смерть подступает...»

Жить привыкнешь – уж смерть подступает,
похотливая дама в пальто.

Мальчик пальчик все глубже пихает
в носопырку, еще и еще.

Сколько пальчик не суй, не достанешь
до основ, до истока души.

Только палец по локоть изранишь.

Чем ты будешь крутить кукиши?

Лучше выпей заморского рома,
и стихов не пиши никогда.

Эта песенка слишком знакома,
как улыбка во сне чудака.

Смолкнет все. И безумием сыта,
и похмельем окстится душа.

А без опыта будет корыто
или шорох внутри шалаша,
и признание в муках сердечных
егозе восемнадцати лет,
и билет, что ты брал до конечной,
получив неприличный ответ.

Река-I

Не нарушай мой тихий голос,
мой талисман и оберег,
и не смотри на то, что холост
и неухожен человек,
фигурка мнимая на фоне
лесной опушки в час, когда
ложится в талые ладони
полей апрельская река.
Не расплескай реки в тумане
необъяснимую весной,
когда сигналиит поезд дальний,
вагон качая голубой
из песни спетой и забытой,
как будто песня – это плеск
реки под выпуклой орбитой
кольцом сомкнувшихся небес.

2018

«Услышь меня, неуч-потомок...»

Услышь меня, неуч-потомок,
компьютерный кавалерист,
да будет звучать из колонок
мой голос прозрачен и чист.

У Господа феня ядрена,
у ангелов тоже лиха.
Их партия вся вне закона,
как Ленин до броневика.

Сжигает до выхлопа серы
нетленную душу твою,
когда забираешь сверх меры,
что не пригодится в раю.

А вспомнить: да где не носило,
какими ветрами дышал!
Джанкоя горячее пиво,
крикливый и пыльный вокзал.

Все будет, и горечь разлуки,
и счастье слепое, пока
звучат-обрываются звуки
фальшивые наверняка.

Оркестр играет со вкусом —
солдатики едут стрелять.
Как плохо быть, маменька, трусом,
когда поведут умирать.

Все это случится не с нами.
Сюжета лихой поворот.
Когда вместо глины словами
беззубый наполнится рот.

2017

«Глухой картавый переплет...»

Глухой картавый переплет
смолистой речи
я изучил вдоль поперек,
очеловечил.
Увековечил и возвел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.